

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Художник *И. Хивренко*

Маринина, Александра.

М26 Последний рассвет / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (А. Маринина. Больше чем детектив).

ISBN 978-5-04-101250-2

На лестничной клетке московской многоэтажки двумя ножевыми ударами убита Евгения Панкрашина, жена богатого бизнесмена. Со слов ее близких, у потерпевшей при себе было дорогое ювелирное украшение – ожерелье-нагрудник. Однако его на месте преступления обнаружено не было. На первый взгляд, все просто – убийство с целью ограбления. Но чем больше информации о личности убитой удастся собрать оперативникам – Антону Сташису и Роману Дзюбе, – тем более загадочным и странным становится это дело. А тут еще смерть близкого им человека, продолжившая череду необъяснимых убийств...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101250-2

© Алексеева М.А., 2019
© Оформление. ООО
«Издательство Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

Все-таки правильно, что празднование юбилея проводится в будний день в городе, а не за городом, как стало модно в последние годы. Ноябрь перевалил на вторую половину, погода не ахти, насладиться природой и свежим воздухом все равно не получится, так какой смысл затевать шикарный праздник в таком месте, куда не каждому из приглашенных удобно добираться? Молодец юбиляр, все устроил в Москве, и гости, судя по их немалому количеству, явились все. Закатил Коля Букарин прием человек на 600, денег не пожалел, да и концертную программу обеспечил — известный певец Волько, любимец дам, славящийся исполнением лирического репертуара, в основном романсов, красавец. И поет приятно, даже на слух Игоря Панкрашина, который вообще-то к такому жанру всегда был равнодушен. Празднование проходит в двух залах, в одном — банкетные столы и сцена, в соседнем — аперитивные столы, где гости в перерывах могут походить, пообщаться, выпить и закусь. Удачно и удобно, потому что сплошное сиденье за столом ничего, кроме ненужного обжорства, не дает: общаться можно только с тем, кто сидит рядом, а ведь серьезные деловые люди на приемы хо-

дят совсем не для того, чтобы желудок набить. Ходят общаться, контакты налаживать, о себе напоминать, вопросы решать. И в этом смысле виновник торжества организовал все правильно. После первой части банкета — перерыв, после второй части — еще один перерыв, минут на двадцать-тридцать, потом будет десертный стол, а пока, во втором перерыве, бизнесмен Игорь Николаевич Панкрашин, холеный и весьма привлекательный мужчина пятидесяти семи лет от роду, человек небедный, председатель попечительского совета им же самим созданного фонда, с удовольствием общается с юбиляром и нужными людьми.

А вот Женечка, его жена, явно скучает. Слоняется в одиночестве, неприкаянная и какая-то растерянная, впрочем, как всегда. Из всего обилия присутствующих она знакома, наверное, всего с двумя-тремя дамами — женами его приятелей, но поди найди их в этой толпе. А так ей и поговорить не с кем. Совсем не светская его Женечка, уютная, домашняя, простая и бесхитростная, и тяжело ей на таких приемах, но как же на прием без жены явиться? Это совершенно невозможно! Это неприлично и как минимум вредит деловой репутации Панкрашина, для которого семья, жена и четверо детей — непременный атрибут. Но Игорь Николаевич готов глотку порвать каждому, кто только посмеет заикнуться, что жена нужна ему лишь для антуража. Нет, нет и нет! Он любит свою Женечку, он прожил с ней тридцать пять лет. И конечно же, он искренне жалеет ее, потерянную и одинокую в этой шумной нарядной толпе, но никуда не денешься: если в приглашении сказано «с супругой», то будь любезен, предъяви всему свету свою благоверную.

— А ты молодец, — послышался сзади негромкий, но вполне отчетливо ехидный голос.

Жора Анищенко, заместитель Панкрашина по работе в попечительском совете фонда, подкрался, как всегда, незаметно. И что за манера! Впрочем, Игорь Николаевич своего зама любил, работником тот был отменным и другом преданным, уже много лет они знакомы и близки, а то, что Жорик порой позволяет себе неллицеприятные замечания и острые высказывания, так на то он и друг. Кто кроме настоящего друга скажет правду?

— Я смотрю, ты к моим словам прислушался, хоть украшение какое-то Женьке на шею повесил, — продолжал между тем Георгий Владиленович. — Платье-то новое купить не догадался? Сколько лет она в этом платье на мероприятия ходит? Три? Или пять?

Панкрашин досадливо поморщился и вымученно улыбнулся. После последнего мероприятия, где он был с Женей, Георгий строго выговорил ему, сказав, что их контраст выглядит неприлично. Контраст? Какой еще контраст? Сам-то Игорь ничего такого не заметил, потому что видит и себя в зеркале, и Женю каждый день, и ему казалось, что они все такие же, какими были много лет назад. Да, Игорь Николаевич очень следил за собой, регулярно занимался спортом, покупал очень хорошую одежду, стригся в дорогом салоне, но это ведь было необходимо: человек, занимающийся бизнесом и зарабатывающий деньги, должен выглядеть презентабельно, иначе доверия партнеров не обретешь, таков непреложный закон делового мира. А Женя всю жизнь, пока в прошлом году не вышла на пенсию, работала на секретарской должности, то личным секретарем, то делопроизводителем, и все ее внимание было сосредото-

точено на семью: Игорь, муж любимый, детки, потом и внуки, дом. «Выглядеть» ей совсем не хотелось, неинтересно было, Женечка Панкрашина хорошо помнила те времена, когда жили они с Игорьком на две зарплаты, растили первых двоих детей и считали копейки. И уж тогда вопрос о том, купить ли новую кофточку Жене или спортивный костюм сыну, вообще ставиться не мог. Конечно же, костюм сыну, пусть ходит на тренировки в секцию, пусть развивается. И как-то так оно и осталось даже тогда, когда Игорь Николаевич начал зарабатывать приличные деньги. Он взял на себя финансовое обеспечение семьи со всеми вытекающими отсюда обязанностями по поддержанию имиджа делового человека, а Евгения Васильевна так и осталась секретарем-домохозяйкой, обожаемой и носимой на руках мамой и бабушкой, центром и стержнем большой семьи, неиссякаемым источником любви, внимания и заботы. Даже тогда, когда муж стал приносить в дом солидные деньги, она не бросила работу, хотя никакой такой острой надобности в ее мизерной зарплате не было: Женя хотела общения, поддержания отношений с людьми, с которыми сдружилась за многие годы, и на пенсию вышла только в прошлом году, когда 55 исполнилось.

Однако, если прислушаться к Жоркиным словам, со временем количество перешло в качество, и меры, предпринимаемые Панкрашиным для поддержания достойного внешнего вида, увели его слишком далеко от жены: сам он ухоженный, красивый, дорого и модно одетый, а жена — как уборщица, ей-богу. Он расстроился. И перед очередным мероприятием положил перед женой толстую пачку купюр и строго наказал купить что-нибудь приличное из одеж-

ды и украшений. Покупать новое платье она отказалась, зачем, говорит, в длинном черном платье я всегда выгляжу прилично, а деньги на ветер выбрасывать не нужно, ты лучше детям что-нибудь купи или так дай, в конвертике. Никак она не привыкнет к достатку, хотя Панкрашин в бизнесе уже полтора десятка лет и является человеком состоятельным, но десятилетия, прожитые на зарплату секретарши и рядового служащего, на помойку не выкинешь. Он дал Жене полмиллиона наличными, чтобы она купила себе какой-нибудь наряд и украшения, которых у нее отродясь не было, так она, глупышка, и от платья отказалась, и на ювелирку тратиться не пожелала, нашла какой-то бутик, где можно брать нарядные украшения напрокат. Зачем, говорит, их покупать, если я их не ношу каждый день, только деньги попусту тратить.

Но Женя действительно выглядит гадким утенком на этом сборище. Впрочем, наплевать, его жена — это не украшение бизнесмена Панкрашина, это его тыл, его опора и, что греха таить, надежная поддержка его репутации семьянина и чадолюбца, благодаря чему ему удастся привлекать инвестиции в свой фонд. Четверых детей они с Женой вырастили, двоих родных и двоих приемных, образцовая семья, трое старших уже совсем взрослые, самостоятельные, живут отдельно, порадовали родителей внуками, а младшая, Ниночка, живет с ними, школу заканчивает. Такой женой и такой семьей можно гордиться, и совсем не обязательно жену украшать и наряжать. То есть он бы, конечно, и украшал, и наряжал, если бы Женя сама захотела. Но в том-то все и дело, что она не хочет. Она простая и сердечная баба, мать, хозяйка, она обожает своих подруг,

с которыми дружит лет по двадцать, а то и по тридцать, но подруги эти — такие же секретарши и делопроизводители, как и сама Женя, работали вместе в одной огромной организации и с тех пор никак расстаться не могут. У них лишней копейки нет, а Женя — она мудрая, она знает, что любую дружбу может разрушить зависть, поэтому одевается просто и дешево, украшений не носит — как смолоду не носила, так и приучаться не захотела, чтобы подружек не нервировать и злобу в них не будить. «Хочу, — говорит, — сохранить свой круг общения, потому что если этих подруг растеряю, то других уже не приобрету, и что мне останется? Дети выросли, из гнезда выпорхнули, вот Ниночку во взрослую жизнь отправлю — и совсем одна целыми днями буду сидеть, как сычиха. Кому я нужна со своими десятью классами и трудовой биографией? Как была необразованной дурехой, так и осталась, спасибо, хоть ты меня не бросаешь, а то мог бы завести молодую, которая в Англии где-нибудь образование получала и в бизнесе разбирается». Игорь при этих словах всегда смеется и обнимает жену: ну куда он от нее денется? Где еще он найдет такую Женечку? А то, что позволяет себе разные вольности то и дело, так на прочность брачных уз это не влияет. Женечка — это святое. И потом, даже если случится невероятное, он влюбится и уйдет от Женечки, то дети его не поймут и не простят, а отношениями с детьми Игорь Николаевич Панкрашин рисковать не станет ни за что! Детей своих он обожает, что родных, что приемных. И даже с недавнего времени начал уговаривать Женю взять из детского дома еще одного ребенка. А что? Нина вот-вот школу закончит, в родительской опеке нуждаться не будет, а дом без детских голосов

пуст и холоден. Самому Панкрашину всего 57, Женечке на год меньше, здоровьем их обоих природа не обидела, да и наследственность у них отличная, так что сил хватит еще одному малышу, обделенному родительской любовью, дать нормальное детство.

Он на несколько минут отвлекся на разговор со знакомым банкиром, а когда снова поискал глазами Евгению, та стояла посреди огромного зала и о чем-то оживленно разговаривала с известным певцом Виктором Волько, который уже выступал во время первой и второй частей банкета, а после перерыва, как было объявлено, будет петь снова. Панкрашин с облегчением подумал, что Женя, слава богу, нашла себе собеседника и не скучает.

Какой милый этот Виктор Волько! А еще говорят, что у известных людей звездная болезнь! Неправда это, никакой звездной болезни у певца Волько нет, и улыбка у него такая обаятельная, и голос приятный не только со сцены, но и в жизни.

Евгения Панкрашина взглянула туда, где стоял муж в компании с юбиляром и еще какими-то мужчинами. Не станет она подходить, не место ей среди этих людей, она и потом, после окончания мероприятия, успеет рассказать Игорьку, какой симпатяга этот Волько. И ведь они не знакомы, просто она проходила мимо певца, задумчиво стоявшего с бокалом вина в руках, и улыбнулась ему, ну не могла не улыбнуться, потому что романсы, которые он исполнял всего полчаса назад, вызвали у нее слезы, и улыбка казалась ей всего лишь крохотной толикой благодарности и восхищения талантом. Чем еще и как могла она выразить свои чувства известному, но незнакомому человеку? Не заговаривать же

с ним. Это как-то глупо, он ее не знает, подумает еще, что она — из тех фанаток, которые пристают и потом проходу не дают. Но певец Волько ответил на ее улыбку таким теплым взглядом, что Евгения невольно замедлила шаг, проходя мимо него, а Виктор вдруг заговорил с ней, она ответила, и они поболтали несколько минут. Подумать только! Такая звезда, сам Виктор Волько — и она, никому не известная домохозяйка, да к тому же одетая далеко не так шикарно и модно, как остальные присутствующие здесь дамы. Настроение сразу поднялось, и скучный прием уже не казался таким беспросветно унылым.

— Женечка! — слышалось откуда-то из-за спины.

Евгения обернулась и, к своему облегчению, увидела группу нарядно одетых женщин, одна из которых — Аллочка — была супругой Жоры Анищенко, заместителя Игоря Панкрашина, а две другие — женами его постоянных партнеров по теннису. Евгения подошла к ним, радуясь, что можно хоть с кем-нибудь поговорить, а то на этих приемах она всегда умирает с тоски, делать ей здесь совершенно нечего, и публика вся не ее круга, с ними и поговорить не о чем, да и стесняется она, знает мало, книг почти совсем не читала, когда ей читать-то, с работой, семьей и четырьмя детьми, а теперь и тремя внуками? Ее подружки такие же простые, как она сама, с ними можно и про хозяйство поболтать, и про деток, и про мужей посплетничать, и известных актеров обсудить, а с этими о чем разговаривать? Но на таких мероприятиях с ума вообще сойдешь, если весь вечер молчать как бука. А так хоть постоит с людьми, поулыбается, а то на нее уже внимание начали обращать: ходит неприкаянная, ни с кем не

разговаривает, да и одета кое-как. То есть в ее глазах простое облегающее черное платье — наряд, уместный в любых обстоятельствах, как любила говорить сама Евгения: «Хоть в поликлинику, хоть на похороны», но в этом обществе подобное мнение не разделяли. Да еще ожерелье это дурацкое, которое Игорь велел надеть. Не привыкла она к украшениям, раздражают они, мешают, и вообще глупость какая-то. А это ожерелье еще и тяжеленное, и броское, его все замечают. Разве человек делается лучше или хуже, добрее и умнее или глупее и зловреднее в зависимости от того, есть на нем цацки или нет?

— О, я смотрю, наш Панкрашин расщедрился, наконец-то на тебе появились украшения, — с нескрываемым сарказмом протянула Алла Анищенко. — Сам выбирал?

Отвечать на вопрос Евгении не хотелось. Она не очень понимала, можно ли сказать этим дамочкам, что кольцо не куплено, а взято... Нет, не надо. Не надо вообще эту тему поднимать и обсуждать украшение. Евгения Панкрашина была о своем уме не особо высокого мнения, относилась к себе более чем критично и очень боялась неосторожным высказыванием или необдуманными словами повредить мужу. Лучше промолчать.

Тем более что правду сказать она все равно не может. Правды никто не знает. Настоящей правды. И Игорь не знает.

Надо надеяться, что и не узнает. Иначе головы ей, Евгении Панкрашиной, не сносить.

И она, радуясь собственной смекалке, быстро и возбужденно заговорила о Викторе Волько. Уловка удалась: дамы к вопросу о том, кто выбирал украшение, больше не возвращались.

...Покачиваясь на заднем сиденье «Майбаха», Алексей Юрьевич Сотников предвкушал приятный вечер в компании людей, искренне любящих ювелирное искусство, преданных ему, знающих и очень профессиональных. Эти встречи проходят уже много лет, раньше собирались по очереди то у самого Сотникова, то у Лёни Курмышова, то у Илюши Горбатовского, но с появлением Олега Цыркова встречаться стали только у него: это удобно, у Олега большая квартира в центре Москвы, всем добираться легко, да и сам Цырков всегда заботится о том, чтобы его гостей привезли и потом отвезли домой, он терпеть не может, когда отказываются от угощения и выпивки с сакраментальным «я за рулем», посему за каждым из участников «ювелирных посиделок» неизменно присылалась машина. Олег, конечно, сначала настаивал, чтобы собрания проходили в его загородном доме, где и места побольше, и коллекция хранится в бронированном помещении, но уж очень далеко к нему ехать, да по московским знаменитым пробкам, которые из простого неудобства давно уже превратились в фактор жизни и которые невозможно и неправильно не учитывать, планируя свои графики и дела.

Сегодня свое изделие будет представлять Илюша Горбатовский, человек с отменным художественным вкусом, в ювелирку пришедший после окончания Мухинского художественного училища в Питере и двух лет работы оформителем. Если Лёничка Курмышов стал ювелиром поневоле, то есть по воле его родителей, отдавших мальчонку в 14 лет на выучку ювелиру, чтобы парень получил денежную профессию, и самого Лёню тогда никто не спросил, то Илюша занялся ювелирным делом осознанно, буду-

чи уже совсем взрослым и поняв после нескольких лет колебаний и сомнений, чем именно он хочет заниматься. Интересно, что Илья сделал на этот раз? И не менее интересно, кто первым угадает заложенный в изделие смысл, послание, или, как нынче модно говорить, message. Собственно, Алексей Юрьевич и не сомневался ни одной секунды, что первым смысл послания разгадает он сам, но промолчит, как обычно, подождет, понаблюдает за горячими спорами между остальными участниками игры. Особенно забавлял его Олег Цырков, человек без всякого художественного образования, медиамагнат, безумно богатый и столь же безумно любящий ювелирный антиквариат. Олег из коллекционеров. Коллекционеры Сотников не особо жаловал, хотя и понимал, что благодаря именно этой категории людей имел в течение многих лет солидный приработок, выступая в качестве уникального эксперта по изделиям Дома Сотникова, знаменитого ювелирного предприятия, основанного еще в самом конце восемнадцатого века. К сожалению, в последнее время этот источник дохода существовать перестал, хотя коллекционеры до сих пор по старой памяти обращаются к Алексею Юрьевичу Четвертому, наследнику и достойному продолжателю дела предков, представителю восьмого поколения ювелиров Сотниковых, трое из которых носили имя Юрий Алексеевич, четверо были Алексеями Юрьевичами, и только самый первый представитель династии, Юрий Сотников, носил отчество «Данилович». Передача имени старшему сыну была такой же традицией в семье, как и многое другое, например, пожелание, чтобы дети вступали в брак не позже 25 лет. И если к девушкам такое требование применялось с известной долей